

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе/Под ред. Бромлея Ю. В., Куббеля Л. Е., Першица А. И. М.: Наука, 1982. 253 с.

За последние два десятилетия отечественная историческая наука, занимающаяся изучением первичной формации и переходом ко вторичной, достигла заметных успехов. Были глубже изучены многие узловые проблемы развития первобытного общества; во многом по-новому рассмотрены вопросы о соотношении экономического и социального в этом развитии; обращено особое внимание на такой универсальный для доклассовых и раннеклассовых обществ институт, как община, и на ее место в процессах классово-политогенеза; установлена и во многом исследована специфика последних применительно к обществам Азии и Африки; вскрыты закономерности разнообразного воздействия сложившихся классовых обществ на доклассовую периферию¹. При этом проблемы этнического развития в названных обществах до недавнего времени, пожалуй, несколько терялись в тени фундаментальных вопросов их социально-экономической и социально-политической эволюции.

Только что вышедшая коллективная монография на эту тему, продолжая разработку вопросов теории этноса, ведущуюся в советской науке, вносит в нее весьма значительный вклад.

В предисловии к книге отмечается, что вошедшие в нее исследования можно сгруппировать по двум направлениям: 1) изучение разнообразных предпосылок этнического развития; 2) рассмотрение проблемы соотношения этнического и постэтно-политического факторов общественной эволюции. Думается, не будет преувеличением сказать, что при нынешнем общем уровне изученности этнических проблем древности уже само объединение в рамках одного издания исследований, посвященных самым различным вопросам этнического развития доклассовых и раннеклассовых обществ, по существу является попыткой создания более или менее целостной картины такого развития. Разумеется, в книге охватываются лишь те аспекты эволюции этнических общностей, которые исследователь в состоянии реконструировать по имеющимся в его распоряжении источникам. При этом нет нужды лишней раз напоминать, что источниковая база изучения первобытного общества, какую бы сторону его развития мы ни брали, чрезвычайно узка. Тем не менее, на мой взгляд, правомерно сказать, что в рецензируемой книге предпринята попытка теоретически осмыслить общие закономерности формирования этнических общностей начиная со времен верхнего палеолита и вплоть до эпохи становления раннеклассовых обществ.

Что касается верхней хронологической границы этногенеза, то у авторов нет по этому вопросу единой точки зрения. Пытаясь реконструировать самый ранний этап этногенеза, В. П. Алексеев выдвигает предположение, что он был связан с наиболее ранним периодом расообразования и происходил в рамках обитавших в нижнем палеолите «исходных» популяций — малочисленных, эндогамных, относительно оседлых. В ходе диалектически связанных процессов интеграции и дифференциации таких популяций складывались, как полагает В. П. Алексеев, общности популяций, характеризовавшиеся распространением в них единых антропологических характеристик (расообразование), а также «первичного языка» и единых культурных традиций (этногенез) (с. 49—51).

Иной точки зрения придерживается С. А. Арутюнов. В древнейших коллективах, по его мнению, еще не могло быть этнических различий: последние в итоге определяются различиями в культуре (понимаемой в самом широком смысле), но именно их-то у преантропов и архантропов не было. Важнейший элемент культуры — язык существовал у них в форме сигналов; формы их деятельности были слишком однородными, а орудия труда — слишком неразвитыми. Поэтому, пишет С. А. Арутюнов, вплоть до эпохи верхнего палеолита существовали «доэтнические» формы социальной организации; отсутствие этнических делений было обусловлено здесь диффузивностью, непрерывностью культурных связей (с. 62). Такое несовпадение взглядов в отношении столь сложных вопросов вполне объяснимо; кроме того, сами авторы прямо указывают на известную гипотетичность своих построений касательно древнейшей эпохи.

Какова же была стадияльная типология этнических общностей начиная с верхнего палеолита, с эпохи сапиентации человека, которую С. А. Арутюнов и считает временем появления первых этнических единиц? Ему удалось разработать, на мой взгляд, убедительную гипотезу стадияльной типологии этнических общностей вплоть до появления раннеклассового общества. При этом наиболее общим критерием этнической специфики служит для него понятие культуры в интерпретации Э. С. Маркаряна: «совокупность способов, которыми институционализируются различные виды человеческой деятельности» (с. 57), т. е. прежде всего язык и социально-хозяйственная специфика. Построения С. А. Арутюнова делает особенно убедительным то, что он, соотнося появление и развитие культурной специфики с эволюцией социальной организации, опирается при

¹ Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука, 1968; Разложение родового строя и формирование классового общества. М.: Наука, 1968; Социальные структуры доколониальной Африки. М.: Наука, 1970; Первобытное общество. Основные проблемы развития. М.: Наука, 1975; Социальная организация народов Азии и Африки. М.: Наука, 1975; Становление классов и государства. М.: Наука, 1976. Община в Африке: проблемы типологии. М.: Наука, 1978; Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий. Проблемы исторических контактов. М.: Наука, 1978, и др.

реконструкции конкретных ее форм на примат материального производства (т. е. производства орудий и воспроизводства человека). Поэтому логичным представляется поиск этнической специфики сначала на уровне *предплемена* — дуальной организации экзогамных матрилинейных родов, развившейся в верхнем палеолите на основе охоты на крупных животных и относительно оседлого образа жизни, и далее — на уровне *соплеменности* — общности мелких племен, состоявших из патрилинейных локальных групп, занимавшихся в мезолите охотой на мелкую дичь и ведших поэтому бродячий образ жизни. Следствием неолитической революции и, в частности, резкого численного роста населения было укрупнение таких соплеменностей за счет включения в них мелких соседских коллективов, сопровождавшееся гомогенизацией культуры и языка. Поскольку этот процесс развивался на фоне усложнения родового состава поселений земледельцев, постепенного вытеснения кровнородственных связей соседскими и исчезновения в итоге племенной структуры как формы социальной организации, этническая специфика в эту эпоху реализовывалась вновь в форме некой культурной непрерывности, популяционная структура которой состояла из отдельных земледельческих общин. Однако это была уже не всеобщая непрерывность: она существовала в рамках крупных этнокультурных ареалов, в которых, подчеркивает исследователь, и начала формироваться основная масса ныне существующих языковых семей.

Весьма показательно, что такие теоретические положения в целом подтверждаются материалами конкретных региональных исследований. Так, изучение В. А. Шнирельманом австралийских охотников и собирателей новейшего времени свидетельствует, что в этническом отношении они образовывали как раз такого рода «вторичную» непрерывность, о которой писал С. А. Арутюнов, говоря о неолите. В. А. Шнирельман убедительно показывает этнокультурную аморфность коллективов австралийцев, имевших слабо выраженное этническое самосознание, условные территориальные границы, не совпадавшие с лингвистическими и социокультурными. Вводимое автором относительно таких коллективов понятие «протоэтнос», т. е. этнос, находящийся в процессе становления (с. 102), представляется полезным, поскольку оно отражает незавершенность этноконсолидационных процессов именно с точки зрения «культуры в самом широком смысле».

В статье Я. В. Чеснова, исследовавшего воздействие разных хозяйственно-культурных типов (ХКТ) на ранние типы этнических общностей, нашло подтверждение предположение о существенной роли хозяйственно-культурной дифференциации в ходе развития и взаимодействия «протоэтнотипов». Разрабатывая это положение, Я. В. Чеснов отметил, что на ранних и поздних стадиях формирования ХКТ этническая специфика проявляется по-разному: от тесного сопряжения ХКТ с этническими общностями в период их формирования до «деэтнизации» ХКТ в сформировавшихся и давно существующих центрах производящего хозяйства.

В неолите, как известно, появляются первые классовые общества. Для марксистской исторической науки это — рубеж первостепенной важности, знаменующий переход общества ко вторичной, классово-антагонистической формации, когда в обществе доминируют уже политические отношения. Важен также предшествующий период, когда в классовом обществе отношения властвования, уже в полной мере регулируя его социальную и хозяйственную жизнь, еще не стали политическими. Как отразилось в этих важнейших социальных процессах формирование этнических общностей? Исследуя этот комплекс вопросов, Л. Е. Куббель приходит к выводу, что «роль потестарной или раннеполитической надстройки в этнических процессах была относительно более важна, чем позднее, поскольку потестарно-политические структуры такого общества служили как этноконсолидационными, так и этнодифференцирующими факторами первостепенной важности» (с. 126). Аргументы автора представляются убедительными: действительно, на примере доколониальной Тропической Африки можно видеть, что именно складывающаяся и тем более уже сложившаяся политическая власть организует воспроизводство всего общества, в частности, регулируя сферу материального производства, социально-территориальную организацию общества, культы и ритуалы. Все это обуславливает первостепенную этноконсолидирующую роль власти, что проявляется в стадийно более раннем появлении потестарно-политического самосознания по сравнению с этническим. Вопросу о соотношении этих форм самосознания, отраженных в этнонимии, посвящена статья О. С. Томановской. На богатом материале Нижнего Конго автор весьма аргументированно показывает происхождение большинства важнейших этнонимов этого региона как раз от самоназваний по потестарным и раннеполитическим объединениям.

Весьма интересной представляется попытка Л. Е. Куббеля связать этническую и потестарно-политическую линии развития на уровне понятия «культура» (как и С. А. Арутюнов, Л. Е. Куббель опирается здесь на трактовку этого понятия, предложенную Э. С. Маркаряном). На мой взгляд, плодотворна и мысль исследователя о том, что потестарно-политическая организация общества, объективно выражаясь в параметрах потестарно-политической культуры, в то же время формирует и культуру общества в целом. Последняя же, как говорилось выше, является одним из основных критериев этнической специфики.

Интересно, что такая подмеченная Л. Е. Куббелем особенность потестарно-политической культуры, как ее сравнительно легкая усвояемость соседями и сложение в результате этого «своего рода макрпотестарных или даже ранних макрополитических... общностей без прямого подчинения какому-либо одному центральному ЭСО» (с. 138)², также в известной мере подтверждает идею С. А. Арутюнова о, возможно, существо-

² Л. Е. Куббель называет такие общности «потестарно-культурными регионами» или — вслед за африканским ученым П. Дианем — «политическими пространствами».

вавшей в позднем доклассовом обществе своеобразной культурной и, следовательно, этнической непрерывности, ограниченной рамками крупных историко-культурных ареалов.

Вопросы соотношения этнического и политического развития получают дальнейшее освещение в статье М. В. Крюкова, интересной привлечением фактического материала по таким важным историческим центрам, как Китай и Греция. Китайский материал дал автору возможность выделить три этапа, характеризующих по типу взаимодействия этнической и политической общностей. На первом этапе объединение племен в рамках потестарных образований способствовало их этническому сближению. На втором, когда процесс сложения этнической общности древних китайцев уже завершился, а политические связи, напротив, были нарушены, проявилась тенденция к совмещению этнических и политических границ, существенно стимулировавшая объединение нескольких государств в единую империю. На третьем же этапе империя, объединившая несколько этносов, выступила уже в роли этнополитической общности, в которой господствующий древнекитайский этнос постепенно ассимилировал другие.

А. И. Першиц также посвятил свое исследование этническим процессам в раннеклассовом обществе. Основное внимание, однако, перемещается здесь на проблемы стадийной типологии этноса у кочевников: эти вопросы исследуются на примере кочевническо-оседлых обществ Сахары и Аравии в ходе формирования в них единого этносоциального организма. А. И. Першицу удалось аргументированно обосновать закономерности эволюции этнических общностей от соплеменности (с ее возможной иерархией этнических групп) к народности через промежуточную стадию — протонародность — особенностям этносоциального развития названных обществ от соплеменности ЭСО к раннему государству.

Итак, перед читателями была развернута целостная панорама этнического развития, охватившая поистине огромный период истории человечества. Уже одно это обстоятельство позволяет оценить рецензируемую книгу как значительный вклад в отечественную науку об этносе. Такая оценка тем более справедлива, что открывают и завершают книгу статьи, без которых любая работа подобного рода выглядела бы явно обедненной. В самом деле, статья В. И. Козлова является своего рода демографическим введением, предваряющим исследование этнических проблем, напоминающим, что население первобытной ойкумены постоянно, хотя и медленно, росло и что темпы этого роста особенно возросли в результате неолитической революции и при переходе к классовому обществу. Этот вывод существенно важен для исследования взаимодействия демографических и социально-экономических факторов в этническом развитии. Закрывающая сборник статья В. А. Шнирельмана посвящена истории и состоянию изучения проблем исторического развития этноса в западной, преимущественно англоязычной литературе. Особый интерес представляет здесь подробный обзор концепций племени, традиционно считавшегося основным типом этнической и этносоциальной общности в первобытную эпоху, но в настоящее время, как отмечают авторы рецензируемой книги, не всегда отвечающего новым эмпирическим данным. Обзор этот, несомненно, поможет отечественным специалистам ориентироваться в весьма обширной литературе по этому комплексу вопросов, во многом еще остающихся не разрешенными современной наукой.

Именно в связи с проблемой племени в целостной панораме, о которой шла речь выше, можно отметить известную неясность, которая представляется неизбежной из-за наличия определенных лагун в наших знаниях и сложного характера затрагиваемых вопросов. Такая неясность возникает оттого, что ни в предложенной авторами типологии этнических общностей, ни в упоминаемых ими типах социальной (потестарной) организации племени, определяемому как «этносоциальная абстракция довольно высокого уровня» (с. 8), фактически не нашлось места. Так, С. А. Арутюнов, как мы видели, выделяет в стадийной типологии этноса предплемя для верхнего палеолита, соплеменность для мезолита и укрупненную соплеменность для неолита. Ясно, что эти общности были лишь «протоэтническими», но никак не этносоциальными. В то же время Л. Е. Куббель, говоря о сопряженности этнического и потестарно-политического развития, выделил в качестве потестарных структур, служивших важнейшими этноконсолидационными и этнодифференцирующими факторами, сегментный линидж, конический клан и, наконец, вождество. Прежде всего это были потестарные, т. е. властные, структуры; по мысли Л. Е. Куббеля, они выступали в качестве механизма стабилизации этнической специфики, причем вождество, исходя из авторской логики, можно считать уже этносоциальным организмом.

Таким образом, проблема содержания понятия «племя», с 1950-х годов дискутируемая в американской литературе, пока еще не может считаться в надлежащей мере разработанной и в отечественной этнографии (что, впрочем, отметили редакторы книги в предисловии к ней).

Разумеется, задавать вопросы легче, чем отвечать на них. Но, думается, авторы книги «Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе» — издания чрезвычайно содержательного, соответствующего самым серьезным требованиям современной науки, в дальнейшем найдут ответ и на этот пока еще не решенный полностью вопрос.

Г. С. Киселев